

СВЕТ ОДНОЙ ЖИЗНИ

Я стал думать о нем, не поняв однажды логики его поступка. Мы были знакомы давно, мне казалось, что я хорошо знаю Владимира Сергеевича. Но вдруг случайно услышал: он отказался от операции. Операция могла вернуть ему зрение.

Зрение было потеряно почти сорок лет назад. И все эти годы он больше всего мечтал увидеть краски мира. Мечта о свете являлась ему поводырем, если можно так сказать о мечте. И Ворошилов уверенно шел по жизни. Когда он стал писателем, детская, упрямая жажда видеть определила даже названия его книг: «Солнце продолжает светить», «И не погаснет!», «Капля света».

Раньше операция казалась невозможной — была не готова медицина. Ворошилов следил за новейшими исследованиями в области глазной хирургии, сам предсказал, когда наконец ему скажут: можно. И вот теперь...

Я спросил его: «Почему?» Он помедлил и ушел от прямого ответа: «Да все ведь решено несколько лет назад. В моей новой книжке есть даже схожая ситуация».

Я не сомневался: это не отговорка. Он не умел лукавить. Я читал его романы и прежде, знал: они пользуются популярностью, издаются и у нас в стране, и за рубежом. Но теперь перечитал книги Ворошилова иначе. И опять убедился: в произведениях писателей часто кроется неожиданная разгадка судеб самих творцов.

Свою жизнь он разделил на две части: первую и вторую. Сказал как-то мне: «Первая жизнь была короткой, я ее плохо помню. Вторая уже в два раза длиннее».

Первая жизнь началась в 1919 году в городе Ленинске-Кузнецком, где он родился, закончилась осенью сорок первого — после ранения, навсегда закрывшего ему свет. Первая жизнь продолжалась таким образом двадцать два года.

В той жизни было несколько маленьких городков и поселков Кузбасса, куда семья переезжала вслед за отцом, почтовым работником. Больше других запомнились мальчику Мыски — тогда обычна шорская деревня. Во второй половине дома, где они жили, была почта. Володя своеобразно видел чужую, взрослую жизнь — рядом с почтовым оконечком: чью-то одинокую старость, чью-то радость, любовь, всегда внезапно приходящую — вместе с телеграммой смерть. Сразу за деревней начинался лес: те березы, ягодные поляны снились ему потом в цветных снах. Володя выучил шорский язык. Увлекся, как многие тогда, радиотехникой. Дружил с девоч-

кой Клавой. Они походили друг на друга, нередко приезжие спрашивали: вы не брат и сестра? Когда они познакомились, ей было девять лет, ему — десять; они не поссорились, не надоели друг другу — за два года перед войной поженились. Окончив школу, Ворошилов работал воспитателем в детском доме, учителем начальных классов. Война началась для него рано — в тридцать восьмом: в авиационном училище, на Дальнем Востоке, в летном полку, где потом служил Ворошилов, говорили о большой войне как о чем-то бесспорном, только никто не знал точно — когда?

Что было еще в той первой его жизни? «Так, лирика...» Много играл в драмкружке, особенно почему-то удавались роли купцов в пьесах Островского. Писал стихи — «глупые, сопливые». Мечтал — видел себя в будущем то Качаловым, то Есениным, то знаменитым воздушным асом, то даже архитектором.

Он был еще мальчишкой, самым молодым летчиком полка. А где-то в Сибири уже росла дочь, мыкалась по частным квартирам Клава, занималась в учительском институте, потом проверяла нотами тетрадки первоклассников. Песни под гармошку или гитару (он уже тогда умел играть почти на всех музыкальных инструментах); усиленные занятия спортом; затем, с началом войны, письма: «люблю вас обеих, скучаю, отомщу за нашу тоску врагу»; ни с чем не сравнимое ощущение полета...

Песни остались — он любил петь до самой смерти. Письма пропали куда-то в жизненном вихре. Полетов было не так много, как хотелось — последний тридцатого сентября сорок первого.

II

В госпитале Ворошилов чувствовал себя счастливым. Я удивился, первый раз услышав от него об этом. Он негромко повторил то изумившее меня слово: счастье. Рядом в Ворошиловым в палате лежал человек, лишившийся рук, ног, зрения. Сосед говорил мечтательно: «Мне бы хоть два пальца...» Таких молодых ребят в госпитале было много; просто, жалея наши нервы, их не показывали в тогдашних мажорных фильмах. Про свое ранение Владимир Сергеевич думал с радостью и стыдом: легкое...

Горечь пришла потом. Когда в сентябре сорок второго Ворошилова вывели из поезда на перрон в Новокузнецке, к нему бросилась Клава, а он понял, что никогда не увидит это родное лицо.

Сначала жили большой семьей в двух комнатах: родители, два брата, сестра с ребенком, они с дочкой. Затем поселились отдельно. С болью, однако решительно, навсегда, Клава оставила работу и на многие годы стала для него всем — не только любимой, другом, но и секретарем, стала его глазами. Это был обычный, негромкий подвиг любви. Но о том надо писать отдельно.

Он решил стать писателем. И хорошо понимал: писательству, как и всему на свете, надо учиться. За несколько лет они прочитали почти всю мировую классику. Где-то еще шла война. Они прерывали чтение, когда по радио передавали сводки Совинформбюро. Жили на пенсию Владимира Сергеевича — экономно и дружно. Быстро росла дочь. Каждый вторник прохожие смотрели, как молодая женщина ведет слепого военного во Дворец культуры металлургов. Там собиралась литературная группа. Рядом сидели разные люди,

одинаково влюбленные в литературу: школьники и старый щорский сказитель, медсестра из госпиталя, рабочие, журналисты.

Быстро, спеша утвердиться в своем новом призвании, Ворошилов написал несколько рассказов из фронтовой жизни. Рассказы были плохие, хотя их печатала районная газета — скорее всего из-за нехватки материалов и из сочувствия к автору. Еще быстрее он сочинил пьесу. Пьеса была тоже о фронте и тоже слабая. Перепечатывали, волновались, гадали, куда отослать, вместе шли на почту, послали почему-то не в театр, а в Новосибирское издательство, каждый день ждали почтальона, верили и не верили в удачу. Спасибо рецензенту: он сказал правду. Не оставил от пьесы и камня на камне. Но жалость была бы обиднее. Они страдали, скрывая это друг от друга, но не скрывали надежду.

III

...Он не писал десять лет. Жажда творчества никуда не ушла, только он решил подождать. Рано или поздно вдохновение возвращается к человеку — если не бояться ожидания.

Как жил он эти годы? О чём думал?

В сорок пятом Ворошиловы переехали в Кемерово — Владимир Сергеевич стал председателем областного правления Всероссийского общества слепых. Он погрузился в жизнь, которую раньше не знал. И жизнь эта стала переделывать Ворошилова, а он в свою очередь начал перестраивать ее. Если сказать коротко, это и определило темы его романов.

Нет, их не назовешь автобиографическими в привычном смысле слова. Главный герой Ворошилова Сергей Томилов — горный инженер, он потерял зрение во время аварии в шахте. А Ворошилов спускался в шахту всего несколько раз, когда писал свою книгу; конечно, ему читали учебники по горному делу; чтобы проверить себя, он даже упросил преподавателя принять специальный экзамен. И все же...

Схожим однако было другое, главное. Я думаю сейчас не о сходстве лиц, но о сходстве характеров, наблюдений, об энергии преодоления человеком самых горьких обстоятельств, которой была наполнена и жизнь героев, и жизнь автора книги. Владимир Сергеевич, к примеру, не раз вспоминал тяжелое чувство, возникшее у него после знакомства с предприятиями, где трудились незрячие. Эта горечь появляется и у читателя, когда он подходит к тем страницам романа «Солнце продолжает светить», где описываются смрадные будни пимокатной мастерской. Здесь-то и начинает директорствовать Сергей Томилов. Но идет время, движется повествование, и вот уж нет маленькой мастерской с затхлым воздухом, вечно пьяными рабочими. Есть новые цехи, современное оборудование, а главное — перед нами люди, побеждавшие свою беду и судьбу.

Романы Ворошилова выделяются в довольно большом потоке произведений, героя которых пытаются преодолеть свои невзгоды, тот или иной недуг. Как правило, в центре подобных произведений одна, пусть и яркая, интересная личность. Перед читателями же Ворошилова одновременно проходит много жизней и судеб. Люди, лишенные зрения, объединены здесь в содружество, в коллектив. Вместе с автором мы попадаем в особый, чаще всего совсем не знакомый нам мир, где есть и свои проблемы, и свои острые вопросы.

Знаю: кое-кто, прочитав произведения Ворошилова, скептически восклицал: все это похоже на сказку, автор — мечтатель и явно выдает желаемое за действительное. Но в данном случае литература легко «поверяется» жизнью. Скептик может совершить экскурсию на одно из многих предприятий общества слепых. Я начал когда-то такую экскурсию с музея завода в Кемерове. Здесь была выставлена продукция, которая давно не выпускается, но которая порой все еще соединяется в нашем представлении с обществом слепых — щетки, пимы, бумажные коробочки, матрацы. Здесь же была и сложная продукция сегодняшнего дня; она идет во многие страны мира. Скептик увидит конвейеры и полуавтоматы, по-настоящему передовую организацию труда... А рядом с предприятием — целый городок: большой детский комбинат, несколько жилых домов, построенных обществом слепых. Я не раз приходил сюда — и один, и с Владимиром Сергеевичем. Был в Доме культуры на «голубых огоньках» и концертах самодеятельности, которой так гордился Ворошилов, листал в библиотеке свежие журналы — необычно толстые, напечатанные с помощью системы Брайля, слушал звуковые книги, записанные на магнитную пленку. Жизнь человека далеко не всегда можно измерить цифрами. И все же приведу две — их любил повторять Владимир Сергеевич: когда-то Кемеровское общество слепых выпускало продукции на пятнадцать тысяч рублей, теперь — более чем на десять миллионов! Что цифры! Но я вижу за ними годы: его почти спартанский образ жизни, пятичасовой сон, вечные командировки, планы, о которых он говорил, будто читал стихи, — планы реконструкции старых и создания новых предприятий в Новокузнецке, Белове, Прокопьевске... Да, писатель предпочитал простой, на первый взгляд, но, наверное, самый трудный творческий метод: сначала пройти вместе со своими персонажами отрезок жизни, сначала построить эту жизнь, а потом рассказать о ней читателю.

IV

Я не раз думал: почему его слово было услышано и понято тысячами людей?

Проще всего говорить о художественных достоинствах книги, но я, к примеру, легко вижу и некоторую прямолинейность психологического анализа в романах Ворошилова. Пушкин писал, что произведения каждого художника нужно судить по законам, им самим над собой признанным. У Ворошилова эти законы обнажены. Перед нами книги-проповеди. Книги, дающие урок и созданные ради этого урока.

Писателей трудной биографии часто сравнивают с Николаем Островским. Это не всегда правомерно. Но в данном случае сравнение оправданно. Я ставлю рядом две человеческие судьбы, сознавая разницу в их масштабах и разницу времени.

Вот итог жизни Николая Островского, точно написанный критиком Л. Аннинским: «Его судьба была словно очищена от случайностей. Она удивительно точно выявила свой смысл, удивительно ясно воплотилась. Его судьба содержала в себе великий исторический урок, и он знал это». Островский понимал значительность и самоценность собственной жизни, видел в ней портрет поколения, к которому принадлежал. Потому и взялся за перо. Ворошилов же не видел в своей судьбе ничего особенного. Он стал писать не

только и не столько потому, что хотел зафиксировать пережитое. Он всегда мечтал стать литератором. И стал им, найдя в жизни такое, о чем считал важным поведать всем.

Но в одном их судьбы схожи. Как схожи своим пафосом и книги. Оба писателя рассчитывали на урок. И — преподали его. «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она дается ему один раз, и прожить ее надо так, чтобы не было мучительно больно за бесполезно прожитые годы...» Жизнь прекрасна — как бы добавляет Ворошилов. Слепота, горе не должны затмить вечную радость бытия. Урок оказался очень нужным многим. Я понял это, прочитав сотни писем, которые получал Ворошилов от читателей. Это нам только кажется, что все происходящее с нами — впервые. А все уже было. И уже множество раз приходило к людям горе. И негромко, но требовательно, властно стучалось в окно одиночество. Но люди должны быть счастливы, снова и снова настаивает писатель. Он показывает реальную дорогу к счастью. Сергей Томилов борется не только со слепотой, но с трагической завершенностью судьбы. Он обретает не только товарищей — обретает семью, простые жизненные радости, которые не заменишь ничем.

...Владимир Ворошилов был одним из организаторов и участников гуманного, уникального по своей сути нравственно-социального опыта. Он сумел рассказать об этом правдиво, романтически, но без сентиментальности. Может быть, примечательнее других его последний роман «Капля света». Сергей Томилов становится здесь педагогом, создает школу восстановления трудоспособности незрячих. Перед нами раскрывается еще одна сторона этой одаренной личности. Томилов пишет интересный научный труд — кандидатскую диссертацию, в центре которой актуальная для всех времен этическая проблема: как вернуть гармонию человеку, которому врачи уже не в силах вернуть зрение, как достичь жизненной гармонии, если она кажется утерянной навсегда... На многих страницах этой книги есть размышления героя, в которых легко узнаются размышления самого автора.

А я узнал и другое. То, о чем мы когда-то говорили с Ворошиловым. Сергей Томилов получает здесь возможность прозреть. Но только отказавшись от любимой работы. Перед героем выбор: быть зрячим и пребывать в духовном вакууме или снова вернуться во мрак, но при этом остаться самим собой. Герой выбирает второе. Еще раньше тот же выбор совершил автор.

...Он умер в пути. Наверное, даже не поняв, что умирает. Он заснул в машине, возвращаясь из командировки. И не проснулся. Кто-то сказал: счастливая смерть. А я подумал: счастливая жизнь. Она была освещена ярким, тревожным светом дерзания.

Е. Цейтлин